

УЧИЛКА И МЕДВЕДЬ

МАША МАЛИНОВСКАЯ

Маша Малиновская

Училка и медведь

Серия «Училки»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69413089

Аннотация

Он прямой как рельса. Здоровенный рыжий медведь. Солдафон, не понимающий никаких границ. Я застукала мужа на измене, а он просто попался под руку и... оставил о себе на память две полоски на тесте.

– Уйди с дороги, – смотрю на мужчину, что стоит у дверей клиники, скрестив руки.

– Нет, ты сюда не войдёшь. Не для того, чтобы избавиться от моего ребёнка.

– С чего ты вообще взял, что я собираюсь... – сжимаю кулаки, чтобы скрыть дрожь в пальцах.

– С того, что у тебя глаза опухли, – делает шаг ко мне. – С того, что тебе страшно. А со мной не будет.

Содержание

1	4
2	10
3	15
4	21
5	26
6	33
7	38
8	44
9	50
10	56
11	62
12	67
13	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Маша Малиновская

Училка и медведь

1

Ну как так можно было просмотреть? Вот я клуша! Торопилась после работы и не глянула, что бросила в корзинку в супермаркете капроновые колготки не третьего размера, которые беру обычно, а четвёрку. И теперь они предательски сползают каждые десять минут, уныло собираясь в складки под коленками.

– Подожди, – говорю Лиле, не в силах терпеть это безобразие и тащиться в уборную чёрт знает куда, – там вроде в крайней кабинке никого, я на пять сек.

Я забегаю в крайнюю пустую кабинку клуба, где меня никто не увидит. Скольжу ладонями по ногам, расправляя гармошку капрона, а потом задираю платье и подтягиваю колготы повыше.

– Кхм, – раздаётся сзади, приводя меня в секундный шок.

Я резко одёргиваю платье, разворачиваюсь и вижу, что кабинка-то, оказывается, и не пустует.

– Ой!

За столиком расположились два мужика. В одном я узнаю “мистера Орешка” – владельца сети супермаркетов, что в по-

следние несколько недель напористо приударяет за моей подругой Катериной, а напротив него на диванчике раскинулся здоровенный мужичара. Этот второй, держа в огромной лапше бутылку пива, сидит и пялится на меня, подняв бровь.

Ну и позорище, блин.

Влетела, не посмотрев по сторонам, задрала платье до носа, а потом ещё и раскоряченно потанцевала, подтягивая колготки. Блестяще, Карина.

– Отличный стриптиз, – растягивается в ухмылке Макарский, подняв большой палец вверх, а мне хочется бросить в него что-нибудь. – Это вас там в педвузе всех такому учат или только на отделении логопедии?

– Костя, ну ты чего девчонку смущаешь, – вклинивается здоровяк, а я замечаю, что волосы и брови у него такие же рыжие, как и у меня. – Нормальный стриптиз получился, я бы ещё посмотрел.

– Да ну вас! – махнув рукой, я отворачиваюсь и выхожу.

Честно говоря, самой смешно. Но и стыдно тоже, аж щёки пылают. Они и до этого после двух клубничных “Дайкири” красные были, а теперь я вся как помидор. И ладно бы взять да и забыть об этом, так нет – ещё же придётся увидаться с Макарским не раз, он ведь как клещ в Катюху вцепился.

Катя – моя подруга и коллега. Работаем мы с ней в обычной общеобразовательной районной школе города-героя Волгограда. Но сегодня Катя в клуб с нами – мной, Лилей и нашей коллегой Настей, не пошла, так что Лилин день

рождения мы отмечаем втроём. Тем более, что Коля мой уехал в командировку. Но он совершенно не против, что я выбралась с подругами, за вечер дважды прислал сообщение, что любит меня и соскучился.

Пока Настя и Лиля пошли дозаказать нам ещё по коктейлю, я притормаживаю у зеркала. Поправляю локоны, ещё раз одёргиваю платье и прикладываю к горящим щекам прохладные пальцы.

Проходя по коридору туда, где мы с девчонками расположились, замечаю за тяжёлыми шторами другой кабинки, немного сейчас приоткрытыми, свою подругу детства Киру Наумову.

Вот так встреча! Мы же полгода точно не виделись!

– Приветик! – заглядываю к ней и вижу, что Кира сидит за столиком одна, но накрыто на двоих.

Отлично! Пока она ждёт спутника, можно и поболтать.

– Карина! – она поднимает брови и смущённо улыбается. – А ты здесь что делаешь?

– Да с подружками день рождения отмечаем. А ты? С уха-жёром? – подмигиваю.

– Да, – она как-то ёрзает на сиденье. – Он уже скоро придёт, так что... это... Может, встретимся на днях и поболтаем?

Мне становится понятно, что Кира меня сейчас не особенно рада видеть и хочет, чтобы я быстрее свалила.

– Обязательно нужно, давно не виделись, – я встаю, на-

клоняюсь и обнимаю её. Кира тоже обнимает меня, а сама поглядывает на вход в кабинку.

Развернувшись, я собираюсь выходить, но тут внутрь боком входит мужчина.

– Ки-ирюша, детка, я купил ещё бутылочку, но можем взять её с собой...

Ещё до момента, как он разворачивается и застывает с открытым ртом, я узнаю голос. Голос моего мужа Николая, который час назад прислал мне фотку, где они с мужиками ужинают в вагончике. Фотку из командировки.

Нет, не так. Фотку из “командировки”. В кавычках.

– Кисюль, – квкает он, будто ему на яйца наступили, и делает шаг ко мне, но я отступаю.

Смотрю на него в полутьме кабинки, вокруг давят на уши басы клубной музыки, но всё что я слышу – это биение собственного сердца.

Мой Колька и моя подруга детства. Она же дружкой на свадьбе была, мы её крёстной взять собирались, когда у нас детки появятся.

Алкоголь в крови и шок срабатывают так, что меня едва ли не начинает качать. Да ещё и на каблуках таких. А потом в груди обжигает болью и злостью так сильно, что дыхание перехватывает. Я разворачиваюсь, хлопаю в ладоши и торжественно объявляю:

– Совет да любовь!

А потом, до крови закусив щёку изнутри, чтобы не разры-

даться прямо при них, вылетаю из кабинки.

Я слышу, что Коля зовёт меня, пробирается в толпе, пытаюсь догнать. Но кукиш ему! Пошёл ко всем чертям!

– Карина! – он догоняет меня в конце пролёта, расталкивая людей, и хватается за локоть, а я дёргаюсь и оступаюсь, но не падаю.

Меня подхватывает кто-то очень большой. Подняв глаза вижу, что это тот самый медведь, с которым сидел Макаровский, тот, который наблюдал мой стриптиз всего каких-то двадцать минут назад.

Я хватаю здоровилу под руку и вонзаю ему ногти в кожу предплечья.

– Проблемы? – басит дровосек, когда Колька замирает рядом.

Коля игнорирует вопрос и снова пытается ухватить меня за руку, а я ещё сильнее впиваюсь ногтями в руку мужчины. Не хочу! Не буду разговаривать с предателем!

– Эй, я спросил, у тебя проблемы? – отцепляет подчёркнуто аккуратно, но абсолютно без усилий руку моего мужа от рукава моего платья.

– Это моя жена! Нам надо поговорить!

– Белочка, тебе надо? – переводит взгляд на меня, а я отрицательно мотаю головой, делая вид, что совершенно не знаю мужчину, что пристаёт ко мне.

Рыжий здоровяк всё понимает, он на идиота, конечно же, не похож. Но подыгрывает.

– Ей не надо. Вали, – коротко отрезает опешившему Коле, а потом, приобняв меня за плечи, уводит в свою кабинку.

Просыпаюсь я на Катюхином диване с мутными воспоминаниями прошедшего вечера и огромной дырой в груди. Сама Катя спит рядом, свернувшись в клубочек.

Мне даже шевелиться не хочется. Болит всё: голова, ноги, спина, но больше всего болит душа. Поверить в то, что я увидела, сложно. Коля, мой любимый муж, мой Коляша... изменил мне. И, судя по всему, не в первый раз.

Да ещё и с кем! С Наумовой – моей одноклассницей и подругой детства, с которой за одной партой столько лет просидели, с которой на первую дискотеку ходили, первый алкоголь попробовали.

Глаза начинает щипать, но я и не собираюсь сдерживать слёзы. В такой ситуации мне положено плакать.

Катя громко вздыхает во сне, ерзает, а потом открывает глаза. Сморгнув сон, переворачивается на бок и молча смотрит на меня. А я на неё. Говорить ничего сейчас не хочется – сил нет. Я лучше буду выпускать боль маленькими порциями, по чуть-чуть. А если сейчас развоюсь Катьке, так плоти-ну всю разом прорвёт – потом себя по кусочкам будет сложно собрать.

– Пить хочешь? – предлагает Катя.

– Нет, – шепчу севшим голосом в ответ.

– А чего хочешь?

– Сдохнуть.

План с по чуть-чуть начинает давать трещину, и я непроизвольно всхлипываю, не могу удержать слёзы, и они начинают скатываться, образуя на подушке мокрое пятно.

– Карина...

Моя Катька, а точнее Екатерина Валерьевна Зайченко – моя коллега и подруга. Милая, заботливая и просто замечательная подруга. Она и сама сейчас в непростой ситуации с этим Макарсимом, который решил, что может протянуть свои когтистые лапы к простой учительнице, которой и деться от такого напора некуда. Но несмотря на её собственные проблемы, я вижу, что Кате не плевать на меня.

– Кать, – сглатываю новую порцию слёз и размазываю влагу по щеке, окрашенную в не смытую вчера тушь, – какой он козёл. Коля.

И рассказываю ей всё, что вчера увидела. О двойном предательстве, которое вчера для меня открылось. Катерина слушает, не перебивая, я вижу, что она тоже в шоке, не ожидала такого от моего Кольки.

Не моего уже.

– Никуда он не уехал, Кать, ни в какую командировку. Вместо этого трахал мою подружку детства. Вот так.

Это “вот так”, произнесённое вслух, становится точкой и для меня самой в осознании произошедшего.

Не буду я, Коленька, сопли по тебе всю жизнь размазывать. Хрен тебе моржовый, понял?

Но эмоции просто так внутри не запереть, и я сдерживать их больше не могу. Меня прорывает бурным потоком слёз и рыданий. Я просто закрываю ладонями лицо и плачу громко и протяжно.

Просто обидно мне. Ну прошла любовь – скажи, разбежимся. Но предавать-то зачем? А я, дура, противозачаточные пить бросила, ребёночка мы хотели. Как хорошо, что не зацепилось, иначе бы что сейчас делала?

Катя обнимает меня за плечи и так и лежит рядом, пока меня не начинает отпускать. Жаль, что со слезами не всегда удаётся от тяжести на сердце освободиться.

– Ладно, тебе поесть надо, – подруга встаёт сама и тащит за руку меня.

Честно говоря, есть совсем не хочется, но вставать, так или иначе, надо.

Катя усаживает меня за стол на кухне, а сама варит кофе. Запах настолько чудесный, что даже у меня начинает пробуждаться какой-никакой, но всё же интерес к жизни. А вместе с ним и воспоминания того, что было после открытия века.

И... о Боже. Сказать мне больше нечего. И это учитывая, что я почти ничего не помню. Но и того что помню – с головой.

Кажется, я напилась в дрызг и совершенно беззащитно приставала к тому здоровенному рыжему парню – другу Макарского.

Помню, как выпила свой очередной коктейль, когда мы с девочками обосновались в кабинке Орешка и этого рыжего, а потом выпила его пиво. Он был, кажется, слегка шокирован такой наглостью, но сильно не возражал.

Потом помню свою ладонь на его бедре под столом. Помню, как попросила его вывести меня не воздух, а там, на улице у клуба, просила его сделать со мной...

Ой, лучше не вспоминать! Позорище-то какое!

А потом Катя мне ещё и добавляет:

– Он принёс тебя на плече, а твои туфли бережно в руках, – хихикает Катя. – И сказал, что не против сделать с тобой всё о чём ты его просила, но только когда ты будешь трезвая.

О-о!

– Мапочки, – мне кажется, мои щёки от стыда вот-вот воспламенятся. – Надеюсь, я его больше никогда не увижу.

Сты-ыдно!

Мы с Катей по очереди принимаем душ, завтракаем плотнее. Она спрашивает, что я собираюсь делать.

– На развод подавать, конечно.

– Ну и правильно, – поддерживает она. – Ты обязательно найдешь себе нормального парня. Верного и любящего.

Я шучу, что вот возьму и позвоню этому рыжему верзиле, и что будем потом на двойные свидания ходить. Смеёмся с Катей, и мне становится чуточку легче.

Конечно же, звонить рыжему я не собираюсь. Хватит с ме-

ня позора.

Так я думаю до того момента, пока не иду обуваться, чтобы пойти домой. Но обуваться мне, оказывается, и не во что. Мы с Катей обыскиваем и гостиную, и коридор, она даже в ванную заглядывает, но нигде мои любимые ярко-розовые лодочки не обнаруживаются.

Это очень странно, потому что Катя говорит, что точно помнит, как здоровяк на плече принёс меня, а в руке мои туфли.

Чёрт, это мои любимые туфли. Самые красивые, самые модные. Розовые!

И кое-кто, кажется, прихватил их. Я совсем не собиралась звонить ему, но мне очень-очень хочется вернуть свои любимые туфли.

Богдан

В дверь стучат.

Кого это ещё могло принести? Доставку заказал, но прошло минут десять, они даже если бы готовили еду в подвале этого дома, всё равно так быстро бы всё не упаковали.

– Незаперто, – говорю громко, но вставать с кресла не собираюсь. После сегодняшней тренировки всё тело в мясо, а после вискаря лень даже шевелиться.

Входная дверь как раз напротив кресла в гостиной съёмной студии. Хорошая квартирка, я бы тут остался пожить. Да и город в целом ничего так. Раньше я не был в Волгограде, но вообще мне тут понравилось.

Дверь аккуратно приоткрывают, и на пороге я вдруг вижу Ирину.

Как всегда с иголочки, как всегда идеальна. Высокая, статная, в идеально сидящем брючном светло-сером костюме. Волосок к волоску, пухлые губы густо накрашены красной помадой. Ирина всегда красит их только красным. И ей безумно идёт.

– Привет, Богдан, – говорит спокойно и входит в квартиру, прикрывает за собой дверь и делает несколько шагов вглубь.

– Здравствуй, Ирина, – делаю глоток со стакана, продолжая сидеть в кресле. – Каким ветром?

– Нам нужно поговорить.

Смотрю на неё внимательно, прохожусь неспешно взглядом с головы до ног и обратно к глазам. Таким знакомым и таким лживым.

– Говори.

Даже интересно, что же эта шлюха может мне сейчас сказать?

– Богдан, – её тон меняется. – Мне так жаль... я... Пожалуйста, Богдаша...

Ира делает ещё несколько шагов, подходя практически вплотную. Замечаю едва уловимое движение бровями и как сильно оно меняет её выражение лица. Она всегда умела мастерски играть мимикой.

– Чего тебе жаль, Ирина? – даже не собираюсь вставать. Жаль только виски в стакане осталось мало. – Член того молокососа тебе не понравился? Мой лучше?

– Ты во всём лучше.

Начинаю ржать. Ну какова же сука.

– Это ты долго опытным путём определяла. Я ведь в курсе теперь. Разузнал. И таким диким лохом себя почувствовал.

– Это всё ложь.

– Да что ты? То есть сынок соседей не первый твой студентик?

Вижу, что соврать хочет, но в итоге сглатывает и не решается. Знает, что бесполезно, что теперь я всё знаю. А инфа, к сожалению, сотка.

– Интересно, это они на тебя западали или ты сама их соблазняла?

– Богдан... – опускает глаза.

– Это они тебя за зачёты пялили или потому что красивая?

Вскидывает глаза, прекрасно понимая, что я сейчас не комплимент ей сказал.

С Ириной мы встретились, когда я вернулся после пяти лет службы в армии. Тогда только устроился в полицию, надо было вышку получить, поступил заочно. Документы принёс в универ, а там она. Только устроилась после окончания учёбы, в приёмной сидела. Сразу как по башке кувалдой, встал на неё прямо там, хорошо я в куртке был.

Вечером нашёл её и через неделю моя была. Через год поженились. Никогда зверски не ревновал её – верил. Видел, что мужики заглядываются, студентики взглядами провожают молоденькую преподавательницу. Но я ей верил. Дебил.

А когда мы с Макарским недавно вернулись в Москву из командировки в Краснодар, а получилось на два дня раньше, дома меня ждала замечательная картина. По звукам я подумал, что моя жена соскучилась и решила развлечься под порнушку, но это оказалась ни хрена не порнушка. Точнее, не по телеку, а с ней в главной роли. Картина как она извивается, сидя на сыне наших соседей, выжглась в мозгу.

Не знаю, как я сдержался, ствол-то с собой был. Пожелал им “совет да любовь” и свалил. Пока ехал к Костяну, всё

представлял, как хрустят в ладонях кости её тонкой шеи.

Месяц ломало так, что жить не хотелось.

– Богдан, мы пять лет женаты с тобой. Нельзя так взять и всё спустить в унитаз.

Пиздец, она серьёзно вообще сейчас?

– Ира, ты в адеквате? – делаю последний глоток виски из стакана.

– Ты уже слила. Иди себе, документы на развод скоро придут.

Она судорожно выдыхает и театрально закусывает губы, отводя в сторону взгляд, полный слёз. И тут натывается на розовые Белкины туфли, которые я стратегически прихватил с собой. Выражение лица тут же меняется.

– А ты, я смотрю, времени даром не теряешь, – и голос сразу изменился с кроткого на змеиный. – Кто она?

– Кто-то. Тебя это ебать не должно уже. Иди себе, Ира, пока я злиться не начал.

Вообще-то, я думал, что моя бывшая жена гордая и с чувством собственного достоинства. По крайней мере, такой она была все эти пять лет, такой себя показывала. Но она ещё больше меня сейчас удивляет.

– Ну что мне сделать, скажи, Богдан?! – заламывает руки. – Мне никто кроме тебя не нужен! Никто! Что я должна сделать?

– Можешь отсосать, – пожимаю плечами, отмечая, что внутри-то и не особенно болит. Выгорело, похоже.

А дальше я испытываю шок. Потому что Ира всхлипывает, замирает, а потом, на мгновение закусив губы, вдруг опускается передо мной на колени.

Да ну на хер.

Наблюдаю. Не верю, что пойдёт на эту. Просто королева драмы хочет показать, что пойдёт до конца. Ну окей.

Ира дрожащими пальцами берётся за ремень моих штанов, распаковывает его и оттягивает резинку трусов. Берёт член в руку, наклоняется, приоткрыв рот, и обхватывает головку.

А мне вдруг становится так противно, будто я свой член сейчас помои ткнул.

– Убери руки, – разжимаю её пальцы и подтягиваю трусы. – Ты мне противна, Ира. Иди лучше подобру-поздорову.

Она отшатывается, утирая рот тыльной стороной ладони. Смотри поражённо и обиженно. Вижу, как её трясёт.

– Не знаю, зачем реально ты пришла, но мне это неинтересно. Уходи и не позорься. Ты была моей женой пять лет, я любил тебя, оставь хоть какие-то воспоминания хорошие о себе.

Ирина резко поднимается, оступившись. Её лицо перекашивается от злости. Она хватает с пола свою сумочку и стремительно, почти бегом, идёт к двери.

– Ну ты и мудака, Ремнёв! – выкрикивает, обернувшись.

А потом хватает с тумбочки розовую туфлю и швыряет в меня. Ловлю прямо у лба. Такой шпилькой и убить можно.

Ирка вылетает за дверь, а я кручу в ладонях розовую туфлю.
Взгляд непроизвольно падает на расстегнутую ширинку.

Ну где ты, Белочка? Неужто туфельки совсем не дороги?

И тут у меня звонит телефон.

Ну надо же.

– Карина Витальевна, до свидания, – говорит Владик, поправив указательным пальцем очки.

– До четверга, Влад, – киваю ему. – Не забывай проговаривать звуки перед зеркалом, как мы делали с тобой сегодня.

– Хорошо, – кивает мальчик, берёт маму за руку, и они уходят.

Смешные они такие, эти первоклашки. Сами маленькие, вчерашние детсадовцы ещё, а портфели за спиной огромные. И главное, вид какой важный, когда они в форме и с ранцами.

Владику ещё в саду поставили умственную отсталость, и ему дважды в неделю положены занятия с логопедом-дефектологом. А сам он прекрасный мальчишка, воспитанный. Работать с ним в удовольствие.

Возвращаюсь к себе в кабинет, открываю шире окно и включаю чайник. У Катерины по расписанию сейчас должно быть “окно”, если не было экстренных изменений, поэтому я достаю из тумбочки две чашки и два пакетика. Заливать не спешу, вдруг она задержится, и чай уже остынет.

И действительно, Катя приходит уже минут через пятнадцать после начала шестого урока. И вид у неё не шибко радостный.

– Что-то случилось? – спрашиваю, когда она плюхается на

стул.

– Да.

Катя пытается вскрыть пакетик с чаем, но только срывает уголок у саше таким образом, что сам пакетик не достать. А потом то же происходит и с другим уголком.

Кажется, у кого-то плохой день.

– Мы выиграли в конкурсе исторической реконструкции и приглашены в Москву.

– Это же здорово! – присаживаюсь напротив Кати и подсовываю ей открытую коробку конфет, которую снова с благодарностью принесла мама Владика. – Или... или нет?

Странно, что Катя не радуется, учитывая как тщательно она готовилась со своим классом.

– Здорово. Только у региона нет денег спонсировать поездку. И знаешь что? – Катя эмоционально швыряет обёртку от конфеты на стол. – Наталья Валентиновна предложила обратиться к спонсорам с личной инициативой. Да ещё и намекнула, к кому конкретно!

Я сначала даже зависла. Как сейчас модно говорить среди подростков: сначала не понял, а потом как понял!

– Оу. И что? Пойдёшь к Макарскому? Если хочешь, я с тобой схожу.

– Не знаю, – пожимает плечами. Не решила ещё. После всего... Но так не хочется расстраивать ребят. Они так старались выиграть. Выиграли. А дальше что? Они же больше ни в одном конкурсе участия не примут.

– Н-да.

Мы с Катей допиваем чай, обсуждая новости по работе. Облоно выпустило новую бумажку с требованиями, свидетельствующую о том, что с реальными детьми они не имели контакта уже много лет. Иначе как ещё подобную дурость объяснить?

В общем, как и обычно бывает, когда вместе собирается больше одного учителя, будь то чаепитие или пьянка, то произвольно всё это перерастает в малый педсовет. Мы уже столько раз зарекались и обещали себе, что будем говорить о “трусах и булавах”, но всё равно перескакиваем на обсуждение работы.

– Ну а ты что? Решилась отвоевать свои туфли?

– Почти, – усмехаюсь. – Вот сегодня точно позвоню.

Это я себе уже повторяю несколько дней, но решиться так и не могу. Мне стыдно. Я помню далеко не всё, но уже и того, что помню, достаточно, чтобы сгореть со стыда перед этим мужчиной.

Но туфли-то тоже вернуть надо. Это мои любимые. Я их нечасто надеваю, но каждый раз это такой кайф для меня. Они безумно дорогие для моей зарплаты учителя, и для меня это не просто туфли, а скорее напоминание, что я девочка и люблю себя, и должна заботиться о себе и баловать.

В общем, это мои сакральные туфли. Счастливые, можно сказать. У кого-то это трусы, у кого-то ремень, а у меня мои розовенькие лодочки.

И сейчас они в плену у рыжего фетишиста, что делает меня очень несчастной.

– Звони сейчас, – улыбается Катерина.

– Чего? Ну нет!

– Звони давай! А то потом их точно не вернёшь, – Катя подвигает ко мне мой смартфон и многозначительно смотрит.

– Эх, ну тебя, – смеюсь и беру телефон. Извлекаю из сумочки бумажку с номером мистера Медведя и быстро набираю, чтобы не передумать.

На первом гудке я ещё чувствую себя смелой и бойкой, настроенной отобрать своё, удерживаемое незаконным путём.

На втором гудке моя решимость тает, а щёки начинают припекать.

На третьем я уже решаю отключиться и объявить Катерине, что абонент сейчас не абонент, когда на том конце отвечают.

– Слушаю, – отрывисто басит густой мужской голос.

– Здравствуйте! – выпаливаю. На вы? На ты? С чего это я вообще растерялась? – Это Карина. Мы с вами... с тобой недавно в клубе пересекались.

Катя хихикает, прикрыв рот, а я шикаю на неё.

– И... я бы хотела получить назад свои туфли.

– Привет, Белочка, – отзывается мужчина после моей тишины. – Я тебе туфли, а ты мне что?

После такого ответа зависаю. Ну а Катя уже лежит лбом

на столе, сотрясаясь от смеха.

Блин... Белочка?!

– Большое спасибо, – отвечаю сдержанно.

Вообще-то мне хочется сказать: “Эй, чувак, в смысле? Это МОИ туфли, ты их спёр, почему я тебе вообще за них что-то должна? Это рэкет называется, вообще-то”.

Но мне их всё же хочется вернуть, так что я себя сдерживаю.

– Спасибо – это хорошо. Но невкусно.

– Хочешь, чтобы я тебя покормила?

В ответ слышится заминка и лёгкое покашливание, как будто он только что тоже решил не говорить то, что на ум пришло.

– А ты умеешь готовить?

Ого вопросыки!

– Возможно. Но это неважно, мне нужны мои туфли.

– Хорошо. Заеду через десять минут.

И отключается.

А я ошарашенно смотрю на экран телефона, а потом на Катю.

– Куда это он заедет?

– В школу, видимо, – пожимает плечами она.

– А откуда он...

– Не удивляйся, – машет рукой. – Я уже перестала.

Н-да уж. Ну что ж, посмотрим.

Катя уходит к себе, у неё ещё три стопки контрольных работ не проверены, а я начинаю собираться.

Ну а что? – говорю сама себе перед зеркалом, подкрашивая губы. – Просто хочу быть красивой и ухоженной. Для себя. Что тут такого?

Переплетаю уже растрепавшийся немного пучок, бросаю в рот фруктовую жвачку, беру сумочку и выхожу из кабинета. Спустившись по лестнице на первый этаж, отдаю ключ от кабинета вахтёрше.

– Карина Витальевна! – слышу сзади голос завуча по начальной школе. – Вы уже уходите?

Её почему-то каждый раз это так удивляет. Хочется ответить: да, обычно люди так и делают в конце своего рабочего дня. А работаю я до двух по своей ставке.

– Это мы тут сидим до победного, столько работы, – замечает будто между прочим. Она частенько любит обратить невзначай внимание на свой трудоголизм. – У нас новенький ребёнок во втором “Б”. Наталья Степановне кажется, что он неуспевающий. Нужна ваша оценка и заключение.

– Хорошо, Инесса Петровна, завтра проведу беседу с ребёнком и осмотрю его тетради.

– А сейчас? Наталья Степановна здесь ещё. Будет долго ещё, тетради проверяет, к урокам готовится.

Я безумно рада и за её подругу-трудоголика, с которой они больше чаи гоняют, чем работают после уроков. Да отслеживают в окно, кто и во сколько ушёл с работы.

– А сейчас десять минут третьего, мой рабочий день уже закончился. Завтра с утра сразу займусь этим ребёнком.

Завуч кивает, но смотрит осуждающе, что я не захотела работать после своего рабочего времени, и мы на этом прощаемся.

У нас с ней вообще как-то не заладилось с самого начала. С директором и завучем основной школы отношения прекрасные. Они всегда, если мне нужно, идут навстречу, я тоже, если что-то срочное по документации с особенными детками, а такое бывает, когда нужно едва ли не вчера. И выходные, бывало, делала, и вечером приходила.

А с этой как-то у нас не складывается. То ей не нравится, что я не дежурю в столовой, хотя мне по штатному не положено, я не классный руководитель, то у меня внешний вид слишком яркий. Она даже однажды предложила мне перекрасить волосы, а то, по её мнению, для школы они слишком яркие. И так и не поверила, что это натуральный цвет.

Я выхожу на крыльцо, не особенно рассчитывая, что мистер Медведь будет ждать меня. Потому что странно он как-то ответил, не спросив ни где я в данный момент, ни адреса – ничего.

Но чуть дальше ворот вижу большой кремовый ровер, и почему-то сразу предполагаю, что внутри этот Богдан. Вот

как-то сама картинка рисуется – в огромной машине сидит огромный рыжий мужик.

Картинка эта подтверждается и в реальности. Он действительно там сидит. Открыв полностью окно и выставив локоть.

Он и правда огромный, мне не показалось тогда спьяну. Такому ничего не будет стоять взять за шкуру, как котёнка, такую как я, и нести столько, сколько влезет. Не устанет. Не заметит просто.

Он сидит в солнцезащитных зеркальных очках, выстукивая какой-то ритм пальцами. Рукав лёгкого свитера засучен до локтя и можно увидеть геометрический орнамент татуировок на предплечье. Очень мощном предплечье.

Наверное, именно таких на Руси в древности называли богатырями. Не знаю, о какую сливу стукнулась моя фантазия, но я вдруг представила этого мужчину в образе Ильи Муромца или Добрыни Никитича. Не тех, что из мультика, а настоящих. Огромных таких, сильных, в доспехах и верхом на брабансоне¹.

– Привет, – говорю я, подходя со стороны водительской двери.

– Привет, – он поворачивается, снимает очки и чуть прищуривается.

Прикольно. Отмечаю для себя, что глаза у него голубые

---

¹ Брабансон или бельгийский тяжеловоз – порода крупных, массивных лошадей, ростом в холке до 2 м и весом до 1,5 тонн.

при рыжих волосах. Как и у меня. Только у него чуть больше меди, а у меня чуть больше золота.

– Я за туфлями, – объявляю, стараясь подавить мелькающие в памяти картинки недавнего вечера.

– Ну садись, – кивает на сторону пассажирской двери.

– Зачем? Я и тут постою, а ты можешь подать их в окно, – переминаюсь на месте.

– Так не интересно. Да и странно. Прикинь кто-то смотрит, как тебе выдают в окно розовые туфли.

– Ничего странного, – пожимаю плечами, хотя всё же странность есть, особенно для наблюдающих в выходящее сюда окно завучки и её подружки.

– Боишься, что ли? – снова прищуривается.

– А если и так? – поднимаю брови.

Ну а правда? Мало ли, что у него на уме. Приличные девушки не садятся в крутые тачки почти не знакомых мужчин.

– Ты предлагала, нет, уговаривала меня заняться с тобой сексом прямо в подворотне за ночным клубом, обещала сделать со мной такое, чего ещё никто до тебя не делал. Это я должен бояться тебя, не находишь? – он поднял бровь иронично, глядя мне прямо в глаза.

Ах ты ж...

– Тише ты! – шиплю на него, чувствуя, как кожа покрывается горящими пятнами.

– Ещё и скрыть теперь факт домогательств пытаешься.

– О Боже, – закрываю лицо ладонями.

У него такой зычный голос, что мне кажется, что сказанное слышно даже за пределами всей Волгоградской области. А уж с феноменальным слухом Инессы Петровны в окне в нескольких метрах...

– Ладно!

Обхожу быстро машину и залезаю внутрь. Именно так, да – залезаю, а не присаживаюсь, потому что тачка огромная, и приходится потрудиться, чтобы взобраться в неё с сумочкой и пакетом, ещё и на каблуках.

Плюхнувшись на сиденье и закрыв дверь, я замираю, почувствовав, что оказалась на чужой территории. Здесь всё такое же массивное и монолитное, как и сам Богдан. А ещё тут невероятно приятно пахнет.

– Это тебе, – протягивает здоровяк мне мороженое. “Белочка”.

– Кхм, – беру и зависаю. – Спасибо.

Почему-то рядом с этим мужчиной я чувствую себя рас-терянной. Вроде бы такого в тот вечер не было. Но ведь был алкоголь.

– Ешь.

– Прямо тут? – смотрю на него удивлённо. – Я дома лучше.

– А то туфли не отдам.

Эм... Ну ладно.

Я вскрываю обёртку и надкусываю шоколадную капсулу.

Вкусно. Но ситуация странная.

– Куда мы едем? – спрашиваю, когда он заводит мотор и разворачивается.

– Никуда. Просто поколесим по району, пока ты съешь мороженое.

Сама себя удивляю, когда начинаю спокойно есть мороженое. По идее бы надо возмутиться, требовать свои туфли и свалить. Но мне вдруг так уютно становится и спокойно, будто весь мир с Инессой Петровной, предателем-Колей и прочими проблемами остался за пределами салона этой машины.

– Ну всё, я съела, – сообщаю после пяти минут молчаливого катания.

Богдан паркуется на стоянке супермаркета, который находится как раз напротив моего дома. Переклоняется на заднее сиденье и достаёт оттуда пакет, извлекает из него мои туфли.

Родненькие!

– Спасибо, – уже протягиваю руку, но он свою отводит.

– Примерь.

– Чего? – смотрю удивлённо.

– Ну вдруг я обознался и сейчас отдам их, а ты не хозяйка. Прикалывается же. Нашёл Золушку, блин.

Ладно, Медведище, давай поиграем.

Сталкиваю свои чёрные и отбираю розовые. Извернувшись, надеваю сначала одну туфлю, потом вторую.

– Так нормально? – складываю руки на груди и уставляюсь

на рыжего. – Убедился?

– Угу.

– Ну тогда я пошла.

Взбесил меня своей проверкой. Поэтому я бросаю короткое “до свидания”, открываю дверь и выпрыгиваю на землю, а потом захлопываю дверь.

Автомобиль сдаёт назад и разворачивается вокруг меня. Жду, пока он закончит манёвр, чтобы перейти дорогу и пойти домой.

– Пока, Белочка, – криво усмехается Богдан в окно и надевает снова свои зеркальные очки.

Но я ответить не успеваю, потому что столбенею.

Ну какая же ты растыка², Карина!

Рыжий явно ржёт, когда даёт по газам, но перед этим показывает в окно мою туфлю. Теперь чёрную. Одну из двух забытых сейчас в его машине.

---

² Жаргонно-диалектное.

– Хватит ржать! – ругаюсь на подругу, а самой смешно не меньше.

Катя же уже просто хохочет, откинувшись на спинку стула и прикрыв рот ладонью.

– Я не могу с тебя... не могу... Это же надо так!

– Это всё он! Хитрый рыжий медведь.

– А не ты растяпа, да?

– Не я, конечно!

Мы снова обе смеёмся. Потому что это действительно смешно. Так могла накосячить только я.

Телефон жужжит на столе, и я снова сбрасываю не глядя. Катя перестаёт смеяться и смотрит озабочено.

– Снова Коля?

– Да, – настроение опускается вниз с космической скоростью. – Уже восемнадцатый раз за полдня.

– Может, ответить, узнать, чего хочет?

Хмурюсь, убирая чашки со стола в раковину. Достая из сумки папку со сценарием выступления.

– Не хочу, Кать. Чего он может хотеть? Он бомбил мой мессенджер два дня сообщениями “люблю-коньки-куплю”, я его заблокировала, так он теперь наяривает на сотовый.

– Хватает же наглости.

– Вот-вот, – киваю подруге. – А я ни слышать, ни видеть

его не желаю. Противно, понимаешь? И слушать нытьё про любовь его до гроба тоже не хочу, ложь всякую про “один раз только”. Я не верю ему.

Точнее, я просто боюсь, что поверю. Коля ведь такой – умеет в уши налить. Будет петь мне дифирамбы, забрасывать подарками, присылать каждый день любимые цветы. Он умеет ухаживать. И я боюсь, что поплыву. А потом себе не прощу этого, буду ненавидеть себя, испытывать неуважение.

Не нужно мне это.

Мы с Катей погружаемся в доработку сценария выступления, и это для меня как спасение. Мысли о ситуации с предательством мужа, с разводом и всеми сложностями, что с ним сопряжены, сильно меня утомляют и раскачивают нервы. Всю прошлую ночь почти не спала. Мысли сами в голову лезли. Вспоминалось и как познакомились с Колей, и как предложение сделал – приехал с ансамблем под окна и серенаду пел! Соседи ругались, а потом ещё долго маме припоминали. Как женились – пышно, громко, два дня свадьбу гуляли всеми родственниками и друзьями.

Вспоминалось, как ночами ласкал. Неужели и Наумову так же?

От этого становилось очень больно. Я ведь верила ему. Мы уже думали бабушкину квартиру, в которой жили, продать и ипотеку взять, малыша хотели.

А оно вон всё как обернулось.

Эх.

Так что приходится отвлекать себя от мыслей печальных работой. Катя всё-таки съездила к Макаарскому с просьбой о спонсорстве в поездке учеников. Была удивлена, как быстро он согласился и даже ничего не потребовал взамен.

Но это Макаарский. Он найдёт момент, когда стрбовать своё.

Теперь мы готовим ребят к поездке в Москву на финал конкурса. Точнее, готовит Катя, а я ей помогаю. Едем тоже вместе, директор поставила меня в сопровождение. Но даже если бы и не поставила, я бы сама просилась в помощь подруге.

А не счёт чёрных туфель... Ну заберу, когда руки дойдут. Они классные, но у меня ещё есть две пары, так что не к спеху.

Я подвигаю ближе к Кате корзинку с конфетами. Мы берём по одной и продолжаем вычитывать сценарий.

Ах да! Конфеты. Вот уже третий день каждое утро в семь тридцать курьер приносит мне небольшую корзинку с конфетами «Белочка».

В первый день там было мороженое и россыпь конфет, во второй большая плитка шоколада и тоже конфеты, а вот сегодня небольшая коробке и также просто конфеты в корзинке.

Открытки, от кого они, нет, но я и так знаю.

В первый день я удивилась и закатила глаза.

Во второй встала в дурном настроении после снов о му-

же-предателе, и корзинка заставила улыбнуться.

Ну а сегодня... я ждала её.

Наверное, надо было бы отправить «спасибо», мне ведь известен его номер. Но... вообще-то он спёр мои туфли! Ещё одни. И вдруг мне не в чем ходить на работу, я не получаю зарплату и сижу голодная?

Вот верно! Корзинки – возмещение. Чтобы с голоду не померла.

– Мне нравится, что ты, наконец, улыбаешься, но вернись уже в текст сценария, – позвала Катерина с улыбкой.

– Ой, я что-то задумалась и отвлеклась. Прости!

Следующие четыре дня проходят в суматохе. Сборы, куча документов на детей, ничего не забыть, поддержать и успокоить Катю. Сама поездка выходит суетной, но интересной.

Я, между прочим, никогда не бывала в Москве! Мечтала с детства, но всё никак. Так завидовала нашей коллеге Василине, которая два года назад уехала в столицу. У неё там всё круто складывается, она с этого года даже не в школе уже преподаёт, а в вузе.

В общем, на экскурсиях я глазела не меньше учеников. Переживала ужасно, что отвлекусь, и мы кого-то потеряем. Семиклассники народ шустрый и слишком весёлый, так что мы с Катей пересчитывали их каждые пять минут.

Макарский на конкурсе тоже объявился. И мне кажется, что-то с Катей у них произошло. Но, наверное, она пока не готова поделиться.

А ещё он вручил мне шоколадку «Белочка».

– Просили передать, – подмигнул.

Странно, но вместо того стыда, который царапался каждый раз, когда я думала у рыжем, в этот момент я почувствовала внутри приятное тепло.

Это казалось очень милым. Хотя да, слово «мило» и этот здоровила рядом смотрятся странно.

А по возвращению меня ждал кошмар. Коля стал уже не просто звонить и писать мне.

Утром в понедельник я прихожу в школу, а на пороге меня ждёт сюрприз – мой почти бывший муж. Да ещё и, кажется, пьяный.

Боже, какое позорище! И что мне теперь делать? Дети идут как раз к первому уроку, коллеги. А тут он.

– Что тебе нужно? – шиплю, подходя ближе.

– Ты нужна, Кисёныш! Ядохну без тебя, малыш! Давай попробуем ещё раз.

Кошмар. Со стыда сгореть хочется, сквозь землю провалиться.

– Коля, ты не в адеквате? – стараюсь говорить негромко, но на нас уже начинают оборачиваться. – Ты встречался с другой женщиной, да ещё и с моей подругой! Уходи и не позорь меня!

Поправив ремешок сумки на плече, собираюсь пройти мимо него, но Коля хватает меня за локоть, придерживая. От него отвратительно пахнет алкоголем, да и вообще, меня теперь даже запах его парфюма отталкивает.

– Ты слишком драматизируешь, Карина, – выдаёт уже не там нежно, как пытался говорить до этого. – Не мы первые, не мы последние. У многих пар возникают сложности.

– Сложности? – я выдёргиваю локоть. – Ты охренел совсем? Влезть в постель к другой бабе в постель – сложности просто для тебя? Да пошёл ты, Коля!

Я в таком шоке, что уже становится всё равно на косые взгляды.

– Вали давай отсюда, пока я охрану не позвала!

– Это того деда усатого, которому и первоклашка навешает? – кривится Николай. – Ну давай. Жги, Карина. И вещички заодно из квартиры собирай.

Ничего себе заявочки! Это вообще-то моя квартира!

– Это квартира моей бабушки, ты к ней отношения никакого не имеешь!

– Которую она нам подарила после свадьбы.

– Мне подарила, Коля, мне!

– В браке. Думаю, в суде разберутся.

Вот это наглость! Ничего себе! И как у него только язык поворачивается такое говорить.

– Ты – изменник. В суде это примут во внимание.

– А ты как докажешь? – я шокировано смотрю на него и не могу поверить, что любила этого человека без памяти. – А вот то что ты запрыгивала в тачку к левому мужику, многие имели удовольствие наблюдать.

Я стою будто в ступоре и не могу поверить, каким же подлым, мелочным и отвратительным человеком оказался мой муж. Человек, с которым я пять спала в одной постели, ела за одним столом, с которым строила планы на жизнь.

У меня даже злость пропадает. Остаётся лишь презрение и боль о потерянном времени. Но, наверное, стоит и порадоваться, что всё это дерьмо вылезло наружу сейчас, а не когда бы у нас появились дети и прошли бы ещё годы совместной жизни.

– Пошёл ты, Коленька, на все четыре стороны.

Я резко разворачиваюсь и быстро шагаю прочь. Концентрируюсь на ритмичном стуке собственных каблучков, пока беру ключ на вахте и поднимаюсь к себе в кабинет. Запираюсь изнутри, занятие у меня с ребёнком только в восемь сорок пять.

И тут уже не выдерживаю, падаю на стул, закрываю лицо ладонями и отпускаю себя в рыдания. Боль, обида, горечь душат, не давая продохнуть.

Ну какой же он действительно козлище!

Да чтобы ему пусто было!

Успокаиваюсь уже далеко за начало первого урока. Иду умыться, а потом наношу лёгкий свежий макияж. Выглядит не очень сверху на опухшее лицо.

До середины дня из кабинета не выхожу, никого видеть не хочется. Дети приходят на индивидуальные занятия и уходят, а я даже журналы не хожу брать в учительскую.

А когда всё же решаюсь сходить, понимаю, что это плохая идея. В учительской встречаемся с Катей, а за спинами у нас две стажистки громко начинают обсуждать участие класса Кати в конкурсе в Москве. Хмыкают и умничают, что сейчас всё просто и конкурсы несерьёзные. Зато вот когда они раньше работали...

И тут у меня срывает планку. Обычно я не ссорюсь с коллегами, особенно со старшими по возрасту, но это обесценивание чужого труда заставляет меня вскипеть.

В ответ на свой выпад я получаю стандартное «мы своё отучаствовали» и «вы молодые, вот и работайте»

Всегда жутко раздражал такой подход. Зарплату-то мы все одинаково получаем.

Катя пытается меня как-то успокоить, но меня просто бомбит. Мы договариваемся уйти вместе с работы, заглянуть в супермаркет за бутылочкой вина и поговорить. Выговориться. Нам обеим это сейчас очень нужно.

Но день Карины Кузьменко так просто закончиться не может. И вот едва я собираюсь идти за сумочкой, меня вызывает наша директор Наталья Валентиновна и очень просит задержаться, чтобы сделать отчёт по деткам с ОВЗ, который крайне срочно понадобился соцслужбе.

Приходится остаться. Но я действительно чувствую себя клубком натянутых жестяных нервов, что-то наподобие той штуки в кухне, которой отчищают присохшее к тарелкам. Когда выхожу из школы, понимаю, что даже зубы толком разжать не могу – такое напряжение.

А потому я всё ещё намерена осуществить задуманное. Я покупаю бутылку вина и иду к Кате. Даже домой не захожу.

Катя открывает мне с таким видом, будто сама не прочь кому-нибудь оторвать голову голыми руками. И я, кажется, догадываюсь кому.

Я просто показываю ей бутылку, и она тут же кивает на кухню. Мы молча достает бокалы и нарезку из холодильника, откупориваем бутылку и разливаем.

И выдыхаем уже только после залпом выпитых бокалов и приходим единогласно к выводу, что пиздец. А у кого и какой, как раз сегодня обсудим.

Первой рассказывает Катя. Наглый мистер Орешек совершенно не желает оставлять её в покое. Катя сомневается, противится, понимая, что они из совершенно разных миров, но наглые ореховые клешни всё равно тянутся к ней и просто так сдаваться не собираются. Но самое сложное, что Катя, кажется, и сама начинает влюбляться в него.

А потом рассказываю я. От третьего бокала вина язык уже начинает заплетаться и цепляться за зубы, но мысль работает. Правда, в очень опасном направлении.

– Знаешь, мне надоело! – восстаёт моя разбуженная алкоголем внутренняя амазонка, и я решительно хватаю сумочку и закапываюсь внутри. Пошёл он, мудака. Не хочет отвалить по хорошему, сделаем по плохому.

И почему меня раньше такая мысль не посетила? Наверное потому, что я трезвая была.

Я достаю телефон и под ошалевший Катин взгляд, не анализируя собственные действия, чтобы не струсить, набираю номер рыжего здоровилы.

Трубку он берёт моментально.

– Приветик, – выпаливаю и прижимаю до боли зубами нижнюю губу, осознавая вдруг, что творю. Но поздно уже, поэтому продолжаю: – Это Карина, помнишь меня? Которая мисс розовые туфли.

Или миссис уже?

– Привет, Белочка, на деменцию пока не жаловался. Что-то случилось?

Его голос окутывает таким густым и теплым спокойствием, что я начинаю плыть. Очень надеюсь, он не сочтёт мою просьбу наглой.

– Слушай, а можно к тебе с просьбой обратиться? – он точно меня пошлёт. И туфли не отдаст. Зачем ему проблемы?

– Нужно, Белочка, но не сейчас, – я чувствую неприятную горечь, что меня послали попросту. – Мы тут с моим другом с моста слетели, сейчас в больнице. Доктору очень не нравится, что я с телефоном. Давай, он шить меня закончит, и я перезвоню?

Закончит что-о?

Когда-нибудь мы будем вспоминать и надрывно смеяться с того, как пьяные пробирались по лестнице чёрного хода больницы, по которому нас провела моя двоюродная тётя Надя, что работает там санитаркой. Но сейчас нам с Катей очень страшно. Не особенно бы хотелось, чтобы нас заметили и вызвали полицию.

Я могу только представить лицо нашей директрисы в школе, когда она узнает, если такое случится.

Когда Богдан сообщил мне по телефону, что они с Макаремским попали в аварию и находятся в больнице, я, конечно же, сразу рассказала Кате. И она так распереживалась, места себе просто не находила, что мы решили, что надо ехать.

Но не только Катерина разволновалась. Мне тоже стало совсем не по себе, когда я представила, как огромный и непоколебимый мистер Медведь, весь окровавленный, сидит в кресле перед хирургом. Да ещё и мне на звонок отвечает.

Только вот кто нас пустит к Макаремскому? У него там охрана под дверью. Но иначе к Орешку Кате в палату не попасть, и мы берём на абордаж с виду совсем неприступного охранника.

Он выражает сомнения, что мы подруги Макаремского и нам срочно надо знать, как он. Говорю в основном я, потому что Катя совсем растерялась. В итоге мужик в таком шоке, что

решает обратиться к начальству. И начальством этим оказывается Богдан.

– Да, Богдан Викторович, блондинка и рыжая. Понял.

Он отключает телефон и пропускает нас, указывая пройти по коридору чуть дальше. Катя хватает меня за руку и крепко сжимает, когда мы направляемся туда, куда нам указали. И это ещё раз доказывает мне, что моя дорогая подружка вляпалась по полной программе.

Как раз, когда мы подходим, из палаты выходит женщина в полицейской форме, доктор и Богдан. Я отмечаю, что в моей грудной клетке происходит странное явление, когда я смотрю на похитителя своих туфель, сканируя, где у него видимые повреждения. Но кроме заклеенной пластырем брови ничего не обнаруживаю.

Катерина ныряет в открытую дверь палаты и прикрывает её за собой, а я подхожу к Богдану и... вдруг теряюсь. Чувствую себя рядом с ним какой-то совсем мелкой.

Он как гора, особенно сейчас – в рубашке, с закатанными до локтя рукавами, а на поясе сбоку кобура пистолета. Несмотря на травму, он сосредоточен и собран.

– Привет, – здороваюсь с ним негромко. – Сильно травмировался?

– Привет, Белочка, – он подмигивает, а сам кому-то набирает по телефону. – Не волнуйся, цел и невредим. Царапина по мелочи. Но если ты подуешь на ранку, буду благодарен.

Он подмигивает, а чувствую, что краснею, как девчонка.

Ответить ничего не успеваю, потому что Богдан выставляет вперёд палец, призывая помолчать, потому что ему ответил абонент на том конце.

– Да, Жень, действуйте, как условились. Я на связи.

И тут из палаты выходит Макаровский, а рядом с ним Катя, которую он крепко держит за руку. Они о чём-то препираются, а потом Катя решительно подходит ко мне и берёт за руку, тащит в сторону, но нам вдруг преграждает путь тот самый охранник, что впустил.

– Поехали, Карина, зря мы сюда припёрлись.

– Костя, время, – строго говорит Богдан, глядя на Макарского.

Тот кивает, подходит к нам, берёт Катерину за локоть и уводит.

– Поехали, Катя.

– Нам тоже пора, – Богдан кладёт мне руку на плечо, чуть сжав, и ведёт за Орешком и Катей. Сзади идут ещё двое охранников.

Всё происходит так быстро, что ни я, ни Зайченко не успеваем ничего спросить у мужчин. Но у меня появляются опасения, что, видимо, не всё так просто с этой аварией. Становится даже страшно, поэтому я помалкиваю, пока не представится момент, чтобы объясниться.

– Нам сюда, Белочка, – Богдан тормозит меня у одной из трёх машин, что стоят на улице возле чёрного входа в больницу. – Давай на переднее сиденье, я сейчас.

– А Катя?

– Она с Костей поедет.

Богдан отходит к третьей машине, а я выполняю то, что он сказал. Понимаю, что сейчас не к чему спорить. По дороге всё расскажет, уверена.

Он возвращается через минуту, присаживается за руль и заводит машину. Мы выезжаем за ворота больницы, и все три автомобиля разъезжаются в разные стороны.

– Испугалась? – подмигивает Богдан, пока я ёрзаю на сидении, пристёгиваясь.

– Есть такое. Что-то не так с этой аварией?

– Умница, – кивает. – Да. В городе местные не сильно рады столичному бизнесу. А ты что хотела?

– В смысле? – подвисяю я.

– Когда звонила. Хотела обратиться с просьбой.

– А-а, – я уже и забыла за вихрем событий. – Да не особо это важно...

– Говори.

Сказал как отрезал. И таким тоном, что не ослушаешься.

– Да я просто это... – в первый вечер я перед ним не робела, а сейчас сама себя не узнаю. – Я с мужем развожусь. Изменил мне. А он доставать меня стал, а теперь ещё и угрожает. И я хотела попросить, чтобы ты... ну... припугнул его.

Я заканчиваю фразу, но вдруг осознаю, как глупо и нагло это звучит.

Рыжий будто и не расслышал. Молча ведёт машину, глядя

строго в любовое. И так с минуту точно, что я даже начинаю чувствовать себя неудобно.

– Угрожает, говоришь... – наконец отзывается. – Чем?

– Квартиру отобрать, которую бабушка мне оставила. Если я с ним снова не сойдуся.

– А ты хочешь? – снова вопрос задаёт, но на меня не смотрит.

– Сойтись? Нет, конечно! Он же изменил, ещё и с подружкой моей.

– А любишь ещё?

Сложные вопросы задаёт Богдан. Болезненные.

– Думала, что люблю. Но вмиг всё сгорело, когда их вместе увидела, – говорю честно, поникнув. Не хочется мне сейчас заигрывать с ним. Честности хочется. – Будто пламенем чувства выжгло. Не думала, что так бывает, веришь?

– Верю, Белочка, верю. Очень даже.

Он отвечает спокойно, но я слышу в этом ответе что-то очень личное. Неужели и он пережил предательство?

– А куда мы едем? – до меня вдруг доходит, что я этим даже не поинтересовалась. И только сейчас поняла, когда он вдруг развернул машину прямо на трассе.

– К тебе. Я вспомнил, что у меня пожрать нету. Только кошачьи консервы.

– У тебя есть кошка?

– Ага. Алиска. Наглая рыжая морда, я вас потом познакомлю.

Я как-то даже не сразу понимаю смысл того, что он сказал, что мы едем ко мне. Вот так просто взял и заявил.

И... и ладно.

Впуская Богдана в свою квартиру, я чувствую себя странно. Из мужчин тут бывали только отец и Коля. Ну да ещё фельдшер скорой как-то, что приехал на вызов, когда Коля гриппом заболел и ему совсем худо было.

Рыжий скидывает в прихожей туфли и осматривается внимательно. Да так, что мне даже становится немного стыдно за свой простенький ремонт и отодранный снизу у обувной полки кусочек обоев. Наверняка же Богдан привык видеть более шикарное жильё. Катя говорила, он работает у Макарского начальником службы безопасности всей его сети магазинов по стране, а «Орешки» у нас есть везде. Да и вроде бы своя даже какая-то охранный фирма есть. То есть человек он обеспеченный, ну а я что – простая учительница, да и Колька мой (ой, не мой уже совсем!) – просто менеджер среднего звена в сети мобильных операторов. В общем шиковать и делать евроремонты нам было особо не на что.

– Ванная там, чтобы руки помыть, – указываю в направлении уборной. – Резко не открывай, а то бывает напор даёт и может струёй брызнуть сбоку, там кран чуть прохудился.

– Разберёмся.

– А я пока пойду посмотрю, что у меня поесть завалилось.

Про «завалилось» я слегка преуменьшила. Есть у меня такая особенность – я люблю готовить. Сама почти не ем это

всё, но руки так и тянутся к кухне, особенно когда нервничаю.

Вчера я нервничала.

Когда Богдан возвращается на кухню, которую находит сам, то я уже успеваю выставить подогретые в микроволновке голубцы, салат с куриной печенью и корейской морковкой и яблочно-вишнёвый пирог. Долго как-то он, кстати, руки мыл.

– Завалилось, однако... – поднимает брови, глядя на стол, а я смущённо улыбаюсь и мне хочется приложить к щекам прохладные ладони.

Богдан, кажется, действительно голоден. Он ест активно и с аппетитом, а мне от этого как-то становится так приятно, что хочется расплыться в улыбке. Коля тоже ел мою еду, но частенько ворчал, что я то недосолила, то слишком много положила специй, то прожарила не так как ему нравится. Я старалась такие моменты сознательно не замечать, но всё же это задевало.

– А сама почему не ешь? – спрашивает, прожевав, и смотрит с прищуром.

– Да не хочется как-то.

– Фигуру бережёшь?

– Типа того, – смеюсь в ответ.

– Она у тебя и так офигенная, можно чутка и поесть.

И вроде бы сказано как бы между прочим, но комплимент так цепляет, что я смущённо опускаю глаза, в который раз

удивляясь сама себе, куда это подевалась бойкая и резвая Карина.

Ответить я не успеваю, потому что в дверь раздаётся стук. Точнее громкий и нетерпеливый грохот. Я от неожиданности аж на месте подпрыгиваю и с испугом смотрю на Богдана. Тот тоже замирает, а потом стук снова повторяется ещё более интенсивно.

– Минутку, – подскакиваю, понимая, что кроме Коли так нагло никто ломиться не будет.

И действительно, из-за двери в прихожей слышен его голос.

– Карина, открывай! По-хорошему пока прошу!

– Сиди, – поднимается Богдан, отложив вилку, и кладёт мне на плечо свою огромную ладонь, удерживая на месте. И очень горячую, я это даже через ткань платья почувствовала.

Он выходит из кухни и направляется к входной двери, а у меня внутри всё сжимается и начинает трепетать. Нет, я не за Колю испугалась, он меня реально достал, ещё и угрожать удумал. Просто я не люблю скандалы и боюсь их. Потом соседи будут судачить. До школы дойдёт.

Но, кажется, поделать я уже ничего не могу. Поздно. Решение вопроса на себя взял Богдан.

А я... в сторонке постою, что поделать.

– Чего надо? – Богдан широко распахивает дверь и уставляется на моего бывшего мужа.

Я стою сбоку за спиной Богдана и вижу, как столбенеет

Коля, забыв даже после своих возмущений рот захлопнуть. Не ожидал.

– А ты ещё кто такой? – спрашивает он возмущённо, но уже на порядок тише, чем звал из-за двери меня. – И что тут делаешь?

– Смекай быстрее, – абсолютно спокойно и ровно отвечает Медведь. – Что мужик делает ночью у женщины дома? А у тебя есть возражения?

Я снова ловлю волну смущения. Понимаю, что он хочет отбрить моего назойливого бывшего мужа, но...

– Ахринеть, – кривляется Коля. – Ещё как есть! Это, вообще-то, мой дом! Я тут живу.

– Больше нет, – пожимает беспристрастно плечами Богдан и просто захлопывает дверь перед ошалевшим Колей.

Но тот снова начинает возмущённо царапаться из-за двери, и, кажется, терпение у моего рыжего защитника заканчивается. Богдан снова открывает дверь резко, хватая одной рукой за грудки ошалевшего Колю и буквально приподнимает его над полом. Одной рукой!

– Слушай сюда, чмо, – говорит приглушённо и отрывисто. – Хата не твоя. Женщина тоже. Ты сейчас разворачиваешь свои тщедушные оглобли и пиздуешь отсюда хоть галопом, хоть иноходью. Усёк?

Коля молчит, глядя на Богдана выпученными глазами, а я втягиваю голову в плечи.

Ой-ой. Вот это конкретика.

Но... я Богдана, почему-то, совершенно не боюсь. Мне он не кажется опасным. Для меня, по крайней мере.

Мистер Медведь встряхивает бывшего мужа и спрашивает ещё раз.

– Ты оглох или прикинулся?

И только когда Коля кивает, Богдан его отпускает. Хлопком приглаживает куртку на груди и мило улыбается.

– А теперь давай дёргай отсюда. И помни: увижу хоть в пяти метрах от Белочки – яйца оторву.

Коля пятится, бросает на меня острый взгляд, полный презрения и ненависти, а потом разворачивается и бегом спускается по степеням. А Богдан закрывает двери и поворачивается ко мне.

– Все мы ошибаемся, Белочка, не расстраивайся. Ты была замужем за мудаком, а я женат на шлюхе. Такое бывает. Забей.

Я сначала даже не знаю, как реагировать на эту его откровенность. И приятно понимать, что он не осуждает по типу “куда же твои глаза смотрели, когда такое выбирали”. И свои болезненные ошибки признаёт.

– Спасибо тебе, – улыбаюсь, глядя в его чистые голубые глаза.

У Богдана очень светлый, открытый взгляд, пусть и немного тяжёлый. Он притягивает как магнит. А ещё я вдруг испытываю сильное желание прикоснуться к его рыжей бороде. Интересно, она колючая или мягкая и шелковистая на

ощупь? Пахнет шампунем? Колет при поцелуе подбородок?

От собственных мыслей у меня по рукам бегут мелкие мурашки.

– Иди уже ко мне, Белочка, хватит там стоять стесняться.

Он не настаивает, не напирает. Раскрывает руки, приглашая, и смотрит в глаза. И меня этим взглядом приманивает, как магнитом. Я закусываю губы и делаю к нему сначала несмелый шаг, а потом и более уверенный.

Мне просто очень-очень хочется потрогать его бороду...

Он ждёт, пока я не подойду к нему совсем вплотную, а потом обхватывает своими огромными лапищами всю и сразу. Одной ладонью скользит по спине от затылка до самой задницы и с заметным выдохом легко сжимает ягодицу. Не особенно осторожничает, сразу будто ставит в известность, чем мы будем тут сейчас заниматься.

Второй рукой Богдан обхватывает мой подбородок. Точнее всё лицо по его линии помещается ему в ладонь. Чуть запрокидывает мою голову и смотрит в глаза. И только лишь от этого его взгляда у меня по всему телу в момент пробегает волна возбуждения.

Это будто какой-то древний инстинкт – оказаться в руках у большого, сильного мужчины. В его полной власти. Это даже своего рода страх, а точнее трепет. Он ведь такой сильный, его глаза горят желанием, он может сделать со мной всё что захочет.

И пусть делает.

Я каким-то внутренним чувством понимаю, что вреда он мне не причинит. Просто знаю и всё.

– О чём ты там меня тогда за клубом просила? – спрашивает негромко, а голос такой бархатный, рокочущий что мне кажется, я его даже тактильно чувствую. – Трахнуть тебя так, чтобы ноги подкашивались, когда домой идти будешь.

О-о! Я и правда такое ляпнула? Была слишком поражена ударом мужа, слишком пьяна. Как стыдно.

Но Богдан тогда всё понял. Понял и не воспользовался. Однако, без внимания не оставил.

И всё же мне становится стыдно, и я опускаю глаза. Голову опустить не получается, потому что Богдан всё ещё удерживает меня за подбородок.

– Ладно тебе, Белочка, – мягко усмехается, и я смущённо поднимаю на него взгляд. – Мне нравятся женщины, которые знают, чего хотят.

– Спасибо, что не воспользовался тогда, – всё же отвечаю ему, когда он отпускает моё лицо.

– Да ты и так на ногах не стояла. Эффект был бы неясен, – снова улыбается и меня тоже тянет на улыбку. – Я выждал. Так вкуснее. Иди уже сюда.

Богдан обхватывает меня за талию, давая импульс, и я запрыгиваю на него, обхватив ногами за туловище. Он подхватывает меня под ягодицы и прижимает спиной к стене. Держит на себе так, будто я пушинка и ему это ничего не стоит.

– Ну держись, Белочка, я слишком сильно тебя всё это время хотел.

А потом Богдан меня целует. Никаких осторожных касаний, никаких знакомств. Сразу напористо и с языком. И так это вкусно, так приятно, что я обмякаю в его руках, полностью расслабляюсь, давая понять, что готова к нему, к его страсти, к его желанию. Я и сама не уступаю. Хочу его, дро-

жу от ожидания того, что между нами всё случится сейчас.

А такого я давно не испытывала. Чтобы только при поцелуе ладони потели. Наверное, последний раз такое было ещё когда в универе училась и была девственницей. Парень целует, а у меня коленки слабеют. Так и сейчас.

Секс вообще мне нравится, но в последнее время он с Колей у нас был чем-то вроде ритуала перед сном пару раз в неделю. Типа потрахались, галочку поставили и спать можно.

Сейчас с Богданом всё иначе. Я таю от одного только поцелуя, чувствуя, как внутри нарастает волна желания. Мне хочется ещё теснее вжаться в него, почувствовать его тело, его возбуждение, то, как сильно он меня хочет.

И я чувствую. Его внушительная твёрдая эрекция упирается мне между ног через джинсы и будоражит фантазию. Но всё по порядку, у меня был план.

Когда поцелуй прерывается, чтобы мы могли вдохнуть порцию воздуха, я мягко прикасаюсь к его усам и скольжу пальцами вниз к бороде, огибая губы. Глажу её, перебирая в пальцах. Она мягкая, ухоженная, приятная на ощупь. Медведь явно следит за ней. А ещё говорят, что женщины на своих волосах помешаны.

– Первое, что я хотела сделать, когда увидела тебя, – признаюсь. – Мне было интересно, она мягкая или колючая.

– Это об этом ты думала прямо в тот момент, когда поняла, что за твоим стриптизом наблюдают? – усмехается ры-

жий.

– Нет, – смеюсь, вспоминая свой позор. – Чуть позже.

И, кстати, целоваться эта борода совсем не мешает. Посмотрим на неё в других действиях.

И мы снова целуемся. Бешено, горячо, нетерпеливо. Между ног у меня просто пожар, а я их даже сдвинуть не могу, сжать, чтобы получить желаемую разрядку.

Богдан пытается расстегнуть на мне блузку, но мы оба слишком нетерпеливы.

– Я тебе потом новую куплю, ладно? – спрашивает, но ответа не ждёт и дёргает ткань в стороны, которая с треском поддаётся, а пуговицы со стуком прыгают по полу.

А мне не особо и жалко эту рубашку, её Коля дарил и потом сказать не забыл, сколько она стоила без скидки бы.

Медведь на секунду застывает, уставившись на мою грудь, потом сдёргивает в стороны лямки лифчика, стягивает и его вниз и снова смотрит.

– Охрененные сиськи, – выдаёт достаточно грубо.

А я сама себе удивляюсь, что совершенно не чувствую себя оскорблённой. Просто он вот такой сам по себе – жёсткий, твёрдый, грубоватый, будто из камня вытесанный. Настоящий медведь.

Мало того, я даже возбуждаюсь ещё сильнее от такого рубленного комплемента, потому что сам он смотрит на мою грудь с таким искренним восхищением, с таким бешеным возбуждением, что у меня кровь закипает. Ведь это приятно

– когда тебя хотят так искренне и откровенно.

– Где кровать?

– Там, – указываю пальцем на спальню.

Богдан несёт меня в спальню и укладывает на кровать на спину, нависает сверху, вытянувшись на руках. Мне нравится вот так лежать под ним – таким большим и сильным, это кажется каким-то правильным, что ли, естественным.

И он не ждёт. Не играет в секс-знакомство. Ласкает так, будто знает меня всю не первый день. Там, где надо и так, как надо. Напористо, грубовато, не особенно интересуясь можно или нельзя.

Но всё оказывается идеально. Его ладони, пальцы, губы – всё так, как я люблю. И более того, как даже не подозревала, что люблю.

Мне всегда нравилась прелюдия, потому что сам половой акт ей уступал по ощущениям. Да, я испытывала оргазм, и часто, но в основном при дополнительной стимуляции. И это из любовных романов и интернет-статей “он вошёл, и я взорвалась умопомрачительным оргазмом” мне было непонятно. Для меня все ощущения концентрировались именно до.

Но сейчас тело жаждет именно вторжения. Мне хочется почувствовать его в себе.

А ещё я тоже хочу ласкать его. Скольжу руками по плечам, целую, прикусываю кожу, втягиваю в каком-то необъяснимом желании оставить свой след. Хочу прикоснуться к его плоти, ощутить гладкость его сильного члена в ладони,

но едва пытаюсь это сделать, Богдан убирает мою руку.

– Не сейчас, Белочка, ладно? Позже. Сейчас я сильно хочу в тебя. Можно?

Этот вопрос сейчас после крышесносных откровенных ласк, после моей смазки на его пальцах, кажется немного странным. А ещё это мило – что он всё же спрашивает.

– Нужно! – подаюсь бёдрами к нему.

И тогда Богдан подтягивает меня за бёдра чуть ближе, направляет себя и входит. Мягко, по влажному, внедряется осторожно, но у меня всё равно перехватывает дыхание. Потому что... медведь оказывается медведем... хм... во всём.

– Белочка, ты в норме? – Богдан замирает и внимательно вглядывается в моё лицо. – Что-то не так?

– Всё так, – отвечаю чуть сдавленно, выравнивая дыхание. – Привыкнуть надо к тебе. Ты... большеват для меня.

– Комплимент принят, – он ухмыляется и утыкается своим лбом в мой, а я чувствую, в каком он напряжении, что вынужден сдерживаться. Аж вена на лбу вылезла и заметно пульсирует. – Продолжаем?

– Естественно, – улыбаюсь и целую его.

Я плавно подаюсь ему на встречу, всё ещё испытывая некоторый дискомфорт, но возбуждение и осторожность Богдана быстро помогаю расслабиться и принять его в удовольствие.

Ощущение от столь тугой и плотной наполненности такие невероятные, что я сама не сразу осознаю, что с каждым движением мужчины громко стону, почти кричу. Очень хочется кричать, да, но ведь соседи...

– Ты что делаешь? – спрашивает Богдан, приостановившись, когда замечает, что я закрываю свой рот ладонью.

– Слишком громко получается, – отвечаю надсадным шёпотом, изнывая от того, что он остановился. Пусть продолжит!

– И что?

Я даже как-то зависаю. Что ответить? Не рассказывать же сейчас про соседей и то, что Коле всегда было стыдно, если я громко вела себя в сексе.

“Как актриса в дешёвой порнухе” – говорил он.

– Белочка, это либо ларингит, и ты бережёшь горло, либо комплексы. Если первое – к лору, а второе я из тебя и так вытрахаю.

Я и ответить ничего не успеваю, как Медведь вытаскивает член, переворачивает меня и подтягивает к себе мои бёдра повыше, а потом втискивается одним глубоким толчком. Не резким – помнит, что я его пока туговато принимаю, но всё же довольно мощным, достаточным, чтобы я вскрикнула и прогнулась.

– Вот так уже лучше, – басит сзади.

Он плавно выходит и повторяет манёвр, и я снова непроизвольно вскрикиваю. И всё повторяется снова. Глубоко, насыщено, с оттяжкой. Толчок за толчком Богдан заставляет меня испытывать невероятные ощущения, и тут уже не получается сдерживать крики.

И мне это нравится!

Проявлять своё удовольствие так как хочется – нравится!

Я полностью подчиняюсь ему. Растворяюсь в ощущениях, наслаждаясь. Позволяю трахать себя так, как ему заблагорассудится и при этом сама несказанно кайфую.

Я чувствую, что ему тоже хорошо, и он этого не скрывает. Дышит громко, а когда вбивается особенно глубоко, аж ры-

чит. Ну точно медведь.

От оргазма у меня темнеет в глазах – настолько он яркий и мощный. Наверное я действительно кричу во весь голос. Выгибаюсь, когда Богдан максимально вжимается в меня и сминает грудь. А потом быстро вытаскивает член, и горячая сперма несколько раз брызгает мне на спину и ягодицы.

Я точно сумасшедшая! Трахалась с едва знакомым мужчиной без защиты. Ну не дура ли?

Но сейчас эти соображения весьма туманны, потому что голова плывёт, и всё, чего мне сейчас хочется – это развалиться на кровати и отдышаться.

Что я и пытаюсь сделать. Богдан тоже распластывается рядом, дышит громко. А через минуту я вдруг чувствую, как он пальцем размазывает у меня по спине свою сперму.

– Что ты делаешь?

– А на что это похоже? – усмехается.

– На художества спермой на моей спине, – тоже хихикаю.

– Так и есть, – отвечает Богдан с нотками веселья. – Мне нравится, что она на тебе.

Ничего более пошлого я ещё не слышала. Вроде бы обычные слова, но смысл и представившаяся картина заставляют сильно смутиться. И это после того, как он только что оттрахал меня как сам пожелал.

– Я бы и по лицу размазал, но не всё сразу, Белочка, – добивает окончательно. – Нам спешить некуда.

– Ты... – утыкаюсь носом в постель. – Ты просто... пош-

ляк, блин.

– Как можно быть не пошлым, когда рядом ты? – ведёт пальцами по моему позвоночнику до самого копчика, запустывая кучу нервных импульсов. – Знаешь, всё о чём я думал в тот вечер в клубе, это как и где тебя развернуть. Дома еле уснул, уже думал дрочить, представляя, как сжимаю твои огненные кудри в ладони.

– Ты очень прямолинейный, – мне кажется, у меня сейчас даже волосы запылают от смущения.

– Тебя смущает слово “дрочить”? – он уже откровенно ржёт надо мною. – Карина, все дрочат. И ты тоже, даже можешь мне не втирать обратного. А по поводу смущения... К чему оно, если мы лежим в постели голые после секса, твоя спина и задница в моей сперме, а на моей бороде твой охрененный запах?

Всё, ладно. Он прав. Да, точно прав. Но это не отменяет того, что дымиться подо мной от смущения уже скоро начнёт и матрац.

Мне непривычна такая прямая откровенность. Такое открытое выражение своих мыслей и желаний. Я о многом в постели Колю попросить стеснялась. Мне хотелось в моменте, чтобы он где-то коснулся или поцеловал, погладил или наоборот надавил, но мне было страшно, что он посчитает меня слишком развратной.

А Богдан более открытый, к тому же называет вещи своими именами.

– Эй, ну ты чего там?

Он пододвигается ближе, запускает пальцы мне в волосы и мягко вынуждает повернуть голову к нему. Я поворачиваюсь, но зажмуриваюсь, как-то оказываюсь не готова сейчас посмотреть ему в глаза. Но, кажется, Богдана это совсем не устраивает.

– Открой глаза, – просит, и я всё же открываю. Сначала осторожно один, потом второй. Закусываю губы, но всё же смотрю в его глаза.

– Мне хочется найти твоего бывшего муженька и открыть ему башку за то, что загнал в тебя столько комплексов, – произносит совершенно серьёзно. – Ты – пожарище, Карина. Проходишь мимо, и у мужиков слюни текут, понимаешь? У меня встал в первую же минуту, когда я тебя увидел, и дело не в стриптизе, который ты ненамеренно устроила. Просто ты... охуенная. Вся. Полностью. Не только телом и лицом, оно в глазах, понимаешь? Огнище.

Ещё один комплимент по-медвежьи. Но я, кстати говоря, после этих его слов всё же расслабляюсь и даже улыбаюсь, когда он склоняется и целует меня. Не очень удобно получается, учитывая, что всё ещё лежу на животе, но это мелочи.

– Так, подъём, – командует Богдан после поцелуя. – Я уже хочу на второй заход, так что пошли в душ.

Богдан

Карина тихо сопит на моём плече. Хочется выйти покурить, но будить её жалко. Вымоталась Белочка, устала. На щеках до сих пор румянец. Спи, маленькая, спи.

Ну и женщина. Огнище же. Ирка моя (бывшая – надо не забывать добавлять) вечно ломалась в постели.

“Так не хочу, так вид некрасивый, так только шлюхи делают”

А оказывается, что не это совсем показывает – шлюха ты или нет.

Карина вздыхает во сне и переворачивается на спину, открывая мне офигенный вид на её маленькую грудь. Да и вся она как с картинки – невысокая, миниатюрная. Сама хоть и рыжая, а на коже ни пятнышка – идеальная молочная белизна. Рот маленький, губы пухлые, аккуратные. А глазищи какие! Чистая голубая вода. Ну и волосы, конечно. Ярко-рыжая кудрявая копна до самой задницы.

И трахать её оказалось удовольствием не меньшим, чем представлять этот процесс. Она оказалась вкусной, горячей и податливой, хотя и слегка закомплексованной. Надо же, рот себе затыкала, чтобы не стонать громко и не кричать. Но вопрос решили.

А ещё в ней было поначалу тесновато. И прикольно, но

и не разгонишься же, вдруг больно. Но и это решили. Пока приноровились друг к другу, Белочка и расслабилась.

Четыре раза – четыре кайфа с ней. Устала, бедняга. Ну пусть поспит, позже ещё разбужу. А сейчас всё же надо выбраться покурить да Женьке набрать. Нашли они того пидора, что нас с Костяном подрезал или нет? Должны были уже, ниточки мы железные обнаружили. А там и заказчика быстро вычислим.

Я аккуратно вытаскиваю руку из-под шеи девушки, а потом не без сожаления прикрываю её. Оторваться от картины напряжённых от прохлады в комнате сосков непросто. Но ей же холодно.

На бедре тоже замечаю красные пятна в форме своих пальцев. Кажется, перестарался, натягивая её на себя. Увлёкся, громила, блин. Девчонка-то нежная, мелкая. Осторожнее надо.

Теперь буду. Точно.

Я иду в ванную умыться и взять пачку сигарет в штанах. Долбаный “гусак” на кране снова начинает отваливаться. Неужели её недомужу было запаadlo кран поменять?

Раскручиваю соединение, пытаюсь разобраться, в чём там дело. Снова сползла прокладка, мать её, тут бы инструменты надо, но что-то мне кажется, у этого чистоплюя тут не было нихрена.

Подтягиваю пальцами как получается. Вроде бы не течёт. Надо в следующий раз из машины пассатижи хотя бы при-

хватить да нормально подтянуть тут.

Выхожу на балкон и закуриваю. Отзваниваюсь Жеке, и тот сообщает, что подсекателя нашли и он уже “поделился” информацией, кто такой негостеприимный оказался в Волгограде и совсем не рад нашим “Орешкам”.

Ну и славно. Утром сам с гадом пообщаюсь, а Костю дёргать не буду. Он наконец затащил к себе в берлогу свою вредную училку.

Докурив, я возвращаюсь в спальню. Наверное, Белочке стало жарко, и она раскрылась. Зря. Теперь у меня точно не выйдет дать ей поспать ещё.

Ложусь рядом на кровать. Член уже готов. И будить жалко, и сил терпеть нет. Прости, Белочка, ну а зачем ты такая сексуальная?

Провожу пальцами по её коже от шеи по плечу и ниже. Скольжу по бедру, оглаживаю ягодицу. Она вздыхает во сне и приоткрывает губы, чуть переворачивается. Выгибается и тихонько стонет, когда аккуратно касаюсь её между ног, но всё ещё не просыпается.

Когда-то я попытался так ласкать Ирину, за что потом получил нагоняй. Сказала, что нечего лезть к ней, когда спит.

Но Карина меня ругать, кажется, не собирается. Она приоткрывает глаза и сонно улыбается, а потом расслабляет бедра, приглашая ласкать её смелее.

Карамелька, а не женщина.

Я стараюсь сдерживаться и не торопиться, чтобы быстрее

оказаться в ней. Ласкаю пальцами медленно, ориентируясь на её частое дыхание. Мне нравится, что она становится такой мокрой. Льстит мне это.

Я делаю ещё всего несколько движений, а потом Карина хватает меня за запястье, притормаживая и выгибается. Так красиво кончает – засмотреться можно.

Сам я уже давно наготове, но пытаюсь дать ей хоть несколько секунд отдышаться. Сколько уж получается, извини, Белочка.

Переворачиваю её на живот, подложив под бёдра подушку и, наконец, внедряюсь внутрь.

Кайф.

Узкая, горячая, мокрая. Кажется, что двинусь пару раз и кончу. Но я хочу растянуть удовольствие, поэтому двигаюсь медленно, смакуя каждый сантиметр. И так до самого конца – медленно. Но зато финал такой, что просто космос. И не только у меня, судя по впившимся в простыню острым красным ногтям и каплям пота на женской спине.

– Интересно, я когда-нибудь перестану тебя так зверски хотеть? – отваливаюсь от неё и падаю на подушку.

В ответ Карина что-то нечленораздельно мычит в свою подушку и лежит долго-долго без движения, что мне даже кажется, что она опять уснула. Но потом она всё же сползает с постели, заворачивается в простыню (смешная) и уплывает в душ. Мне хочется сфоткать её в таком виде, особенно это рыжее кудрявое облако на её голове, чтобы потом пялиться

и кайфовать. Но, думаю, она прикола не поймёт.

Из душа она возвращается уже причёсанной и приглаженной. Облако свою свернула в какую-то дудку на макушке, сама запаковалась в милый плюшевый светлый халатик.

– Кофе хочешь? – спрашивает, присев на край кровати. – Уже утро почти.

– Я лучше тебя.

– Ну нет уж, – хихикает. – Я и так едва хожу, а мне ещё на работу.

Прикольное чувство гордости от её “едва хожу” копошиться в груди. Богдан, ты как пацан, ей Богу.

– Тогда давай хотя бы кофе, – потягиваюсь до хруста в позвонках.

Как же хорошо тут у неё. В плане ощущений. Нет никакого напряжения, витающего в воздухе, как было с Ирккой часто после секса. Типа получил дань – отвали.

Дышится легко. Расслабленным себя можно почувствовать.

– А у тебя ещё остались те голубцы? – переворачиваюсь на бок и подпираю голову рукой. Интересно, не сильно нагло?

– Нет, – улыбается Белочка. – Ты вчера все съел.

– Упс.

– Но я могу что-нибудь приготовить, если есть хочешь.

– Зверски.

– Тогда минут двадцать подожди.

Она уходит на кухню, а я тащусь в душ, размышляя.

Хорошая девчонка эта рыжая лапочка. Открытая, милая, без понтов этих бабских ужимочных. И вкусная. Нравится мне.

Моя, короче, будет. Я так решил.

Карина

– Василина сказала, будет минут через двадцать, она уже в такси, – Катя глянула на часы на стене, а потом достала широкие винные бокалы и поставила их на стол.

– Неужели встретимся, – я вытаскиваю из холодильника тарелки с уже нарезанными фруктами и сыром-колбасой. – Сколько? Уже почти два года не виделись?

– Ну около того. Это она приезжала в конце позапрошлого лета.

– Расскажет как раз, как оно там в Москве в универе работать.

Сегодня приезжает наша с Катей бывшая коллега и подруга. Мы с Василиной пришли работать в школу в один год, а на следующий появилась и Катерина. Вместе все проработали недолго – год, а потом Вера уехала в Москву к парню, пошла работать в школу там, а потом и вовсе ушла в университет. Первый год работала ассистентом, окончила магистратуру, а теперь у неё уже преподавательская нагрузка и диссертация в процессе.

В общем, очень интересно послушать её впечатления не по видеосвязи, а живую.

У Кати звонит телефон, она вся замирает на секунду, закусив нижнюю губу, а потом, подмигнув мне, принимает зво-

нок и выходит поворковать со своим Макаарским. В том, что это звонит именно он, я сомнений не имею.

И вообще, Катя изменилась. Особенно после проведённых с мистером Орешком выходных. Моя подруга вступила на путь плотских наслаждений под руководством нахально-го и пошлого Макаарского, и теперь была в некоем удивлении и воодушевлении. Ну и в предвкушении, если судить по её вспыхнувшим только что щекам.

В то субботнее утро, когда у меня ночевал Богдан, на работу я так и не пошла. Собственно, меня никто и не вынуждал, это я просто с отчётом в срок не успевала и хотела пойти да в тишине доделать. Но даже с “пойти” возникли бы сложности, потому что после ночи безудержного секса с этим Медведем, мои ноги категорически отказывались идти устойчиво.

Вообще-то, я думала, что ему уже пора, а я, наконец, выплусь. Но поговорив с кем-то по телефону, Богдан сказал, что есть вариант поехать на дачу и хорошо отдохнуть. Макаарский и Катя тоже будут там.

Сначала я хотела отказаться, но по тому, как Медведь стал объяснять, чтобы взяла тёплые вещи и спрей от комаров, поняла, что предложение особо отказа не предполагает. Не думаю, что он потащил бы меня за волосы, откажись я, но я, в общем-то, сильно отказываться и не хотела.

Выходные прошли действительно замечательно. Я давно так душой не отдыхала. Макаарский, конечно, острил, Катя

выпила вина и легкомысленно хихикала, Богдан вместе с его бородой вкусно пропахлись дымом от шашлыка.

Я узнала, что он бывший военный, служил в полиции, стреляет едва ли не с закрытыми глазами, попадая в цель. Узнала, что кроме работы на своего друга детства Макарского в качестве начальника службы безопасности всей сети супермаркетов “Орешек”, Богдан ещё является владельцем частного охранного предприятия “Рысь”. Свой бизнес он пока только начинает, но я уверена, у него всё получится супер.

Двое взрослых мужчин – один серьёзный бизнесмен, другой здоровенный безопасник, веселились от души и смеялись как мальчишки. Только басом. Подтрунивали друг над другом, вспоминали какие-то “позорные” казусные моменты из своей школьной жизни, рассказывая нам.

Мы с Катериной смеялись столько, сколько не смеялись уже очень давно. Ощущение лёгкости – вот что было самым ценным в этих выходных.

Ну и секс, конечно, тоже. Понятно, у всех отдельно, мы же не извращенцы какие-то.

После того как Макарский утащил в дом на плече смеющуюся Катерину, мы с Богданом ещё какое-то время сидели на улице. Было уже ощутимо прохладно, и он укутал меня в свою осеннюю куртку. Было так уютно и приятно.

А потом мы пошли в свой домик и у нас была ещё одна ночь секса. Не до утра, правда, потому что мы-то и в предыдущую не совсем выспались. И было супер. Уж не помню

точно, сколько я оргазмов получила, но после очередного просто провалилась в сон до утра.

Утром Богдан отвёз меня домой, сказал, что ему по делам фирмы надо улететь на несколько дней, что связи с ним, скорее всего не будет. А как вернётся – позвонит.

И... прошло уже больше двух недель.

Обидно, конечно.

Почему было просто не сказать: «Карина, мы классно поразвлекались. Давай-давай, не скучай»

Но вот это «позвоню» как-то унизительно, если звонить не собираешься. Можно подумать, я какая-то навязчивая малолетка и буду обрывать ему телефон.

«Богдаша, отымей меня ещё раз! Ну пожалуйста! И кран в ванной снова почини, он опять потёк»

Нет, то что этот Медведище меня зацепил – однозначно. Мне рядом с ним было хорошо не только во время секса. А вообще, душой спокойно как-то. Возникало ощущение, что меня взяли и закрыли от всех бед и ненастий огромным тёплым плащом, дали тишину и спокойствие. Ну и за кран спасибо ему, тот больше двух недель продержался, а до этого полгода тёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.